

Когда Гу Сюньчжи впервые услышал эти слова, он решил, что ослышался:

— Маленький князь, что вы сказали?

Наследник всё ещё густо краснел, но старался держаться с важностью опытного мужа, строго нахмутив брови:

— Я хочу выпустить на волю ту змею... дракона, что заперт на заднем дворе. Господин Гу, найдите для меня того, кто сумеет это сделать.

Гу Сюньчжи нахмурился:

— Ох, матушка-заступница... Да ведь это настоящий дракон! Если вы из добрых побуждений освободите его, а он решит порезвиться — от всей столицы камня на камне не останется!

Лицо молодого князя оставалось пунцовым, но взгляд был твёрд:

— Он этого не сделает.

Глядя на выражение лица юноши, Сюньчжи начал кое-что понимать. Все эти дни ключи от заветной комнаты находились у наследника, и кто знает, сколько раз он уже успел повидаться с пленным синим драконом. Тот обладал ослепительной красотой, затмевавшей любого смертного, и, должно быть, молодой князь просто-напросто лишился сердца.

Понимая, что отговаривать влюблённого бесполезно, Гу Сюньчжи напустил на себя неодобрительный вид, хотя в глубине души даже испытал тайную радость. Проводив юношу, он достал бережно хранимую годами бумагу Сюэ Тао. Выбрав лист с самым густым духовным ароматом, он принялся писать письмо шисюну.

«Шисюн,

Пишу тебе, и будто вижу перед собой. С нашей последней встречи минуло долгих двадцать лет. Море жизни переменчиво, мир людей преобразился до неузнаваемости. Не знаю, доносили ли до тебя вести в твои далёкие края. В прошлом месяце князь Цзинь скончался, и теперь делами поместья заправляет его наследник. Молодой князь от природы наделён добрым сердцем и жаждет освободить Синего дракона, да только не ведаёт как. Несчастный дракон томится в неволе уже двадцать лет, и смотреть на это горько. Если у шисюна найдётся время, согласишься ли ты прибыть в столицу, дабы вызволить узника из пучины страданий?

Твой младший брат,

Гу Сюньчжи»

Письмо было написано на одном дыхании, без тени сомнений. Гу Сюньчжи уже давно хотел написать Жэнь Ши, но никак не находил подходящего предлога. Признаться самому себе, что он просто отчаянно скучает по шисюну, было слишком трудно. Но теперь, прикрывшись желанием маленького князя, он мог выдать личную просьбу за официальное дело — уверенно и без всякого чувства неловкости.

Как только Сюньчжи закончил, письмо само собой сложилось в фигурку птицы и выпорхнуло в окно. Провожая бумажного журавлика взглядом, он чувствовал, что его собственное сердце улетает вслед за ним.

Иногда Сюньчжи и сам смеялся над собой. Ведь он уже давно открыл свои чувства шисюну, однако сейчас, в письме, старательно скрывал их, не позволяя просочиться ни единому намёку на то, как сильно он его ждёт. Он не знал, что подумает Жэнь Ши, прочитав эти строки, но Сюньчжи был тем ещё трусом — и, кажется, это не лечилось.

***

Спустя семь дней после того, как Гу Сюньчжи отправил весточку, бумажная птица опустилась в ладонь Жэнь Ши.

На мгновение он замер в замешательстве. Он не получал таких писем целых двадцать лет и почти позабыл об этой милой безделушке. Когда-то он постоянно переписывался с друзьями, и в день прилетало по три-пять таких вестников. Теперь же тех людей давно не было в живых. Остался лишь один человек, который мог отправить ему бумажную птицу.

Двадцать лет он не получал новостей от младшего брата. Все эти годы он лишь тайно, с помощью магии, переправлял пилюли и сокровища на стол в его комнате, даже не пытаясь узнать, доходят ли они до адресата. Время от времени в памяти Жэнь Ши всплывало его худое лицо и тонкие, как сухие ветки, запястья. Он страстно желал увидеть его, но стоило этой мысли шевельнуться в душе, как перед глазами вставало искажённое мукой лицо Сюньчжи и его полные слёз глаза в тот день, когда тот рухнул без сил.

Пока Сюньчжи сам не примет решение, Жэнь Ши не имел права приходить к нему.

Всё, что он мог делать — это искать по всему свету снадобья и артефакты, способные ему помочь, и попутно выслеживать следы Учителя. Тот не особо скрывался, но с момента его ухода прошло почти сто лет, многие свидетели уже умерли, и найти его было непросто.

Всё это время он ждал письма. И вот, оно пришло.

Жэнь Ши почти не верил своим глазам. Ему стало даже немного страшно: а вдруг в письме не долгожданные вести, а известие о непоправимой беде? Он слегка дрожал; он держал бумажную птицу, не решаясь развернуть. Но та, словно осознав, что миссия выполнена, сама расправилась на его ладони, открывая взору знакомый почерк.

Увидев каллиграфию Гу Сюньчжи, Жэнь Ши с облегчением выдохнул.

Письмо было коротким — в его привычном стиле: только дело, и ни слова о себе. За эти двадцать лет Жэнь Ши, изнывая от безделья, провёл немало времени, размышляя о характере брата. И хотя он так и не разгадал его до конца, он усвоил одну его привычку: если Сюньчжи не припереть к стенке, он ни за что не скажет, что у него на душе.

Пришло время. После двадцати лет разлуки настала пора встретиться вновь. Он ждал этого слишком долго.

Чтобы добраться быстрее, Жэнь Ши принял истинный облик. Расправив крылья, он менее чем за полдня достиг столицы и, ведомый памятью, быстро отыскал тот самый дворик у поместья князя Цзиня. Двор ничуть не изменился, разве что сейчас он был припорошен снегом, отчего всё вокруг казалось иным. Замерев у ворот, Жэнь Ши на мгновение почувствовал робость.

Для него тысячи ли пути были лишь короткой прогулкой, не стоившей хлопот. Истинной преградой, разделявшей их, было нечто незримое и неосязаемое — то самое «расстояние в ладонь, что кажется краем света».

Он постоял у входа, пока из дома не вышла незнакомая служанка. Заметив гостя, она робко спросила:

— Кого вы ищете?

Сцена была до боли знакомой, да только люди сменились. Хотя Жэнь Ши и знал, что Сюньчжи, скорее всего, всё ещё живёт здесь, при виде чужой девушки ему стало не по себе.

Он разомкнул губы, успев произнести лишь:

— Я...

Второе слово застряло в горле — двери дома распахнулись настежь, и на пороге появился тот, о ком он тосковал все эти годы.

Он выпрямился, а морщинки на лице — чуть бледнее. Но как ни посмотри, это был всё тот же Сюньчжи из их последней встречи. Жэнь Ши хотел окликнуть его, но в горле стоял ком. По щекам потекли слёзы.

«Мы наконец встретились, нужно радоваться. Почему же я плачу, едва завидев его?» — мелькнуло в голове у Жэнь Ши, но раздумывать было некогда. Его младший брат с проворством, редким для старика, выбежал за ворота и, оказавшись рядом, протянул руки, стирая слёзы с его лица. Сюньчжи ласкал его щеки ладонями, исчерченными глубокими линиями жизни; голос его был всё таким же слабым и полным виноватой нежности:

— Шисюн, прости меня.

Снова это «прости». Жэнь Ши не понимал, за что он извиняется, но этих слов, кажется, было достаточно, чтобы залечить все раны.

Он перехватил руки Гу Сюньчжи и увидел, как на его запястье мягко сияет жемчужина Южных морей. Значит, он никогда её не снимал. Жэнь Ши коснулся нити жемчуга и посмотрел на брата:

— Твой шисюн никогда и ни в чём тебя не упрекнёт.

Это были слова, идущие из самого сердца. Услышав их, Гу Сюньчжи с облегчением выдохнул, будто сбросил с плеч тяжкий груз. Глядя на него, Жэнь Ши почувствовал такой прилив нежности, что не сдержал вздоха:

— Глупый... Это ведь вовсе не было чем-то невозможным. Зачем же ты так истязал себя?

Гу Сюньчжи покачал головой:

— Для Сюньчжи это — самое важное в жизни.

Глядя на него, Жэнь Ши снова вздохнул про себя: «Он и впрямь совершенно не пригоден для пути совершенствования».

В этом мире самосовершенствование делится на три разряда. К первому, высшему, относятся духовные сущности вроде Жэнь Ши, рождённые небом и землёй. У них от рождения тысячи лет жизни, они не знают земных печалей и радостей, гнева и обид. Им даже не нужно специально практиковать — сама их жизнь, каждое движение, впитывающее свет солнца и луны, уже является совершенствованием. Захотят сменить облик — достаточно одной мысли. Ко второму, среднему разряду, принадлежат обычные люди. Чтобы достичь успеха, им нужно выжечь в себе алчность, гнев и пристрастия, обрести озарение и лишь тогда, войдя в гармонию с миром, они могут надеяться на долголетие и путь Дао. К низшему же разряду относятся лисы и зайцы — их жизнь коротка, а разум скуден. Им путь заказан, если только по воле случая, обитая в горах среди избытка ци, они не встретят редкую удачу. Но даже тогда им сперва нужно обрести человеческий облик, и путь их труден и опасен — чаще они сворачивают на тропу демонов, навлекая на себя кару небес.

Гу Сюньчжи был сиротой, вырос в монастыре, и путь его должен был быть легче, чем у других. Кто бы мог подумать, что на горе, где их было всего двое, он вспыхнет такой безумной страстью к собственному шисюну? Он сам загнал себя в этот тупик, и теперь вернуться на истинный путь для него куда труднее, чем для любого начинающего практика.

«Но раз уж я рядом, я не позволю ему страдать больше необходимого».

Подумав об этом, Жэнь Ши снова взглянул на него. Сюньчжи казался ему таким нелепым и трогательным в своей наивности, что он не выдержал — подался вперёд и нежно поцеловал его в лоб.

Гу Сюньчжи никак не ожидал такого проявления близости. Вздрыгнув от испуга, он отскочил на два шага. Залившись краской до самых корней волос, он поспешно закрыл лицо широким рукавом:

— Ши... ши... шисюн, что вы творите!

Жэнь Ши, который обычно терпеть не мог его трусости, на этот раз нашёл его смущение весьма забавным. Он не ответил, лишь слегка улыбнулся. Увидев эту улыбку, Сюньчжи почувствовал, что лицо его полыхает ещё жарче, и поспешил сменить тему:

— В этот раз я пригласил шисюна из-за дела молодого князя, а вовсе не для наших... встреч. Раз уж шисюн прибыл, я немедленно пойду и позову наследника!

С этими словами он попытался сбежать, но Жэнь Ши крепко перехватил его:

— Куда ты несёшься? Разве ты бегаешь быстрее других?

Удерживая Сюньчжи за край халата, Жэнь Ши обернулся к Сяо Юй, которая всё это время стояла столбом рядом:

— Ступай к своему маленькому князю. Передай, что человек, которого искал Гу Сюньчжи, прибыл.

Услышав, что дело касается наследника, Сяо Юй звонко согласилась и со всех ног помчалась к поместью. Сюньчжи крикнул ей вслед пару раз, но она даже не обернулась.

Он сокрушённо вздохнул:

— Эх, дитя... Я хотел попросить её купить по дороге вина и закусок.

Жэнь Ши качнул головой:

— Вино и еда — пустое. Я просто рад тебя видеть. Я очень долго ждал твоего письма.

Это не было признанием в любви — Жэнь Ши всё ещё плохо разбирался в тонкостях человеческих чувств и границах дозволенного. Но Гу Сюньчжи это было не важно. Он просто улыбнулся:

— Прости меня, шисюн. Больше я никогда не заставлю тебя ждать так долго.

<http://bllate.org/book/17555/1713074>